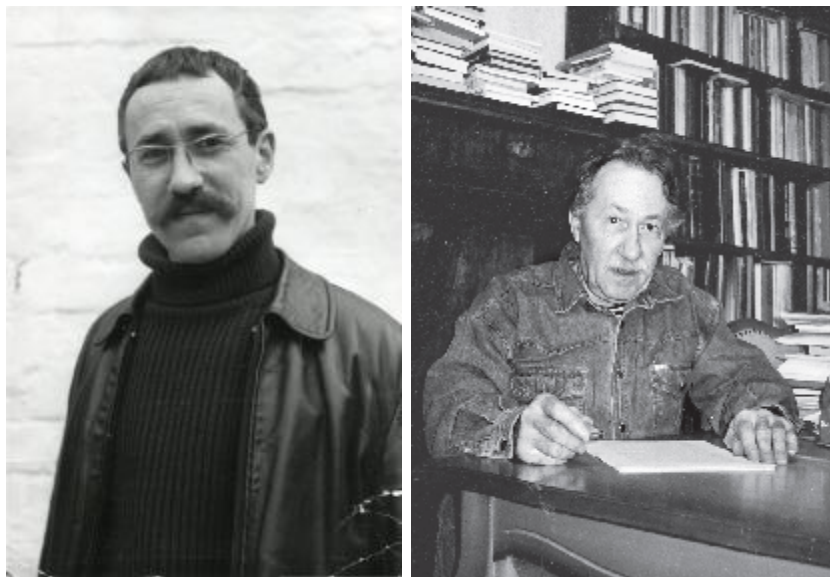

IN MEMORIAM

**IN MEMORIAM PRETIOSVM VENERANDI
PAVLI KOJINI, MAGISTRI CARISSIMI ET
SCIENTIS PRECLARISSIMI**

**Павел Михайлович Кожин
18.09.1934 — 18.07.2016**

18 июля 2016 г. ушёл из жизни Павел Михайлович Кожин — учёный с поразительно широким кругом профессиональных интересов, щедрый, заботливый и мудрый учитель, незабываемый собеседник. Современное состояние науки день за днём приучает нас к потерям, но эта — из тех, которые трудно пережить.

Павел Михайлович вырос в семье, где были живы лучшие традиции дореволюционной России и Советского Союза первых после-революционных десятилетий. В 1959 г. он окончил исторический

факультет МГУ, где встретил своего Учителя — Сергея Владимировича Киселёва (1905–1962), был распределён в Институт археологии АН СССР, в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Происхождение фатьяновской культуры». С 1976 г. работал в Институте Дальнего Востока АН СССР, преподавал на историческом факультете МГУ, в РГГУ. В 1990 г. стал доктором исторических наук, защитив диссертацию «Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи энеолита — раннего железного века: (Палеокультурология и колёсный транспорт)». Является автором более чем 400 опубликованных работ (в том числе четырёх монографий), почти сотни энциклопедических статей, редактором более чем трёх сотен монографий, сборников и информационных изданий.

Научные интересы Павла Михайловича охватывали, казалось, всё — целью истории он считал построение цельной, основанной на фактах картины истории *Homo sapiens* как вида — и работал для достижения этой цели, кажется, не слишком надеясь на помощь коллег, по крайней мере, современных. Он работал над проблемами расселения, формирования речи и знаковых систем постижения мира, складывания производственных стандартов, объединяя в своих трудах методы археологии, истории, лингвистики, семиотики. Его работы посвящены разным аспектам истории Евразии, истории колёсного транспорта и технологиям ремесленного производства (прежде всего — керамике и бронзе) едва ли не всего света, вопросам этнологии североамериканских индейцев, китайским религиям, политическим системам и методологии познания, арабским географическим трактатам, философии истории и истории науки и многому, многому другому. Павел Михайлович не считал широту своих интересов странной или необычной — наоборот, полагал, что узость интересов вредит историку, мешает видеть параллели и помещать свои знания в общий контекст, без которого нет большой, настоящей науки.

В отличие от многих, разбрасывающихся широко в силу неспособности углубиться, Павел Михайлович во всех этих вопросах (и очень многих других) был чрезвычайно, сверхъестественно компетентен — казалось, не было книг, которых он не читал, и языков, которые были бы ему незнакомы. Ни в одной области, о которой он упоминал, его нельзя было обвинить не то что в незнании — даже в дилетантизме. И он также не считал это чем-то особенным, для него это были не более чем обязательные производственные навыки хорошего специалиста. А плохим специалистом, с его точки зрения, места в науке быть не должно.

Павел Михайлович был совершенно иным, чем все, — ярким, всезнающим, блестящим. Он знал себе цену, но не считал себя выдающимся учёным — скорее, полагал себя именно таким, каким учёный должен быть. Злился на своё нездоровье, которое мешало работать, считал его помехой и недостатком.

Важнейшей чертой Павла Михайловича была интеллектуальная щедрость. Его блестящий, чарующий ум, опираясь на огромный объём постигнутого, беспрестанно продуцировал новые идеи (множество из которых, увы, так и не были опубликованы), и этими идеями, многие из которых заслуживали развития в монографиях, он с лёгкостью делился с учениками и коллегами, превыше всего ставя прогресс научного знания, — черта столь редкая в нашу эпоху!

К сожалению, никто не мог (и теперь уже не сможет никогда) сформулировать и аргументировать эти идеи так, как умел он сам — выверенной, почти балетной прозой фехтовальщика.

Он очень расстраивался из-за помех на пути научной работы людей, в которых верил. Но даже с теми, кто отвлекался, уходил в сторону, терял время, был неизменно мягок, всегда готовый поддержать, подсказать, направить снова и снова. Не прощал лишь научной и человеческой недобросовестности, непорядочности.

С той же щедростью Павел Михайлович тратил своё бесценное время, конечность которого он остро осознавал, на тщательнейшую редактуру бесчисленных сборников и книг, работу со студентами и аспирантами, экспертные оценки проектов и исследований. Он не берёт, не экономил себя — даже отзыв на дипломную работу исполнялся им с блеском и полной отдачей, без оглядки на результат приложения усилий. Для многих это отношение стало высшей планкой редкостной добросовестности и самоотверженности в научном труде.

Нам, остающимся, нечем заменить многочасовые беседы с Павлом Михайловичем, с его неповторимой манерой рассказа, блестящими парадоксами, неожиданными переходами с одной темы на другую, поразительными знаниями. Его монологи учили, казалось, сразу всему — и указывали путь, и уводили в сторону от торных дорог.

Теперь всего этого больше нет. Только память. О нём самом, о его книгах, которые будут перечитывать, о его мыслях, которые надо постараться додумать. Мы будем стараться, Павел Михайлович. До свидания.

От имени друзей, коллег, учеников *С.В. Дмитриев*